

Маяковский — патриот социалистического отечества

СОВЕТСКИЙ читатель, любящий настоящую большую поэзию наших героических лет, высоко ценит замечательное творчество В. В. Маяковского.

С каким наслаждением жандармской кастой я был бы исключен и распят за то, что в руках у меня молоткастый, соргастый советский паспорт.

«Стихи о советском паспорте» стали любимым поэтическим выражением гордости гражданина СССР за свое отечество.

«...Мы должны, — говорил М. И. Калинин в своем докладе московскому партактиву «О коммунистическом воспитании», — воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине».

В качестве образца выражения патриотических чувств в искусстве, образец служения советскому народу М. И. Калинин в своем докладе приводил творчество Маяковского.

В статье Россия, где господствовал «его преподобие» капитал, поэт чувствовал себя чужим. «Я не твой, снеговая уродина» — говорил он, обращаясь к старорежимной, кондовой, визкопюкловской Руси чиновников и кушцов, помещиков и фабрикантов, опоганивших великое слово «Родина».

Вам ли, любимым баб да блуда, жизнь отдавать в угоду?! А в поэме «Война и мир», которую он писал для журнала А. М. Горького и которую царская цензура не пропустила, Маяковский называл калек империалистической войны «отрыжками» кровавого обеда международной буржуазии.

Никто не просил, чтоб была победа родина начертана. Безрукому окрыленному кровавого обеда на чорта она? Но едва власть в России пе-

решла к победившим рабочим и крестьянам, Маяковский сразу ощутил интересы социалистического государства, как свои кровные интересы, и его побегу, как свою собственную. Неудовлетворенная рабская любовь поэта к родине стала деятельной, напористой, страстной и неукротимой. Проявления этой любви — не только в его больших стихах и поэмах, ставших величайшими памятниками мысли и чувств революционного народа, но и в повседневных заботах о благе родины, в помощи ей агитационным словом — частушкой, лозунгом, плакатом, газетным фельетоном на злободневную тему.

«Пусть вспоминают, лирики стихишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла», — писал Маяковский, объясняя творческое значение своей агитработы в РОСТА (Российском Телеграфном Агентстве).

Огненный темперамент бойца революции не позволял ему замкнуться только в работе над книгой и толкал на участие своим поэтическим словом в повседневных боях за социализм. Он владел одинаково хорошо всеми видами литературного оружия — от нафоса до юмора и сатиры, от поэмы до частушки. Весь этот грозный арсенал слова он отдал на идейное вооружение родины.

Парадом развернул моих страниц войска, я прохожу по строчечному фронту.

Размах, гибкость и оперативность литературной работы Маяковского поразительны. В годы гражданской войны эти особенности его дарования были особенно ценными. Он пишет близкие пониманию рядового красноармейца и самого отсталого крестьянина правдоподобные сказки и рассказы, агитационная действительность которых очень велика, потому что назидательный тон их не назойлив, «утелен» шуткой, юмором: «Рассказ о том, как из-за пуговицы голова пропадает дешевле лукавицы» или — «Сказка о дезертире, устроившемся недуренько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника».

И в то же время он создает обобщенный грандиозный образ всей земли, расколота гражданской войной, образ великого русского народа, поднявшегося первым на борьбу за счастье всего человечества. Поэму «150.000.000» он вынул в 1921 году без указания имени автора. «150.000.000 мастера этой поэмы имя» — провозглашает он во вступлении. Он стремится слиться с революционным народом не только содержанием, но и формой своего нового произведения — не

К 11-й годовщине со дня смерти поэта

случайно первоначально оно называлось «Былина об Иване». Поворот Маяковского к народному языку, образам и жанрам, который происходит в его творчестве после революции, отражает его стремление дойти до самых широких масс. В поэме «150.000.000» он использует, переложив на свой лад, народно-песенные размеры и широко применяет фольклорные ритмы: Русских в город тот не берет дорожд, не для нас дворцов этажи. Я один там был, в барах ел и пил, понимал в барах с явками длин Сюжет поэмы рисует сказочное столкновение советского богатыря Ивана — ста пятидесяти миллионов рабочих и крестьян — с коллективным воплощением мирового капитализма в образе американского президента Вудро Вильсона. Империализм душит русский народ голодом и разрухой, блокадой и эпидемиями, высылает против него войско ядовитых идей. Победа Ивана дается нелегко.

Своей огромной верой в народ, своей болью за его лишения и жертвы, уважением к незаметным героям, обесценившим торжество революции, Маяковский настраивает читателя на высокий патриотический лад. В поэтической работе Маяковского общественный темперамент сочетался с верным политическим чутьем, которое оценил Ленин в стихотворении «Прозаседавшиеся». Окрыленный похвалой Ленина, Маяковский «во весь голос» развернул свою деятельность поэта-гражданина.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись в Москву из заграничных странствий, на вопрос Софьи «Где ж лучше?» — отвечает: Когда ж постраждуешь, воротись домой, И дым отечества нам сладок и приятен! В своих заграничных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, едрезанный дважды грозом двух революций, был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обошел чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом презво оценить, но еще острее понял, что забота о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя. И он писал: Я в восторге от Нью-Йорка города. Но кепчонку не сдеру с виска. У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока.

лучше?» — отвечает: Когда ж постраждуешь, воротись домой, И дым отечества нам сладок и приятен!

В своих заграничных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, едрезанный дважды грозом двух революций, был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обошел чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом презво оценить, но еще острее понял, что забота о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя. И он писал: Я в восторге от Нью-Йорка города. Но кепчонку не сдеру с виска. У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока.

В самом деле, что стоило даже такое чудо американской техники, как Бруклинский мост, которое влюбленно и с гордостью за творческие возможности людей созерцал Маяковский, по сравнению с действительным чудом нашей борьбы и труда? — Нами через пропасть прямо к коммунизму перекинут мост, длиною — во сто лет.

Хозяйским глазом, уважительно, но и критически осматривал он достопримечательности буржуазной техники и культуры, прищипывая, как и что нужно будет использовать после победы мировой революции. Все-таки тоска по родине хватала за сердце: Почему под иностранными дождями вымокает мне, гнить мне и ржаветь? И подтрунивая, по обыкновению, над самим собой, над своей «сентиментальностью», — черта, которая придавала такую чистоту и подлинность выражению его самых глубоких чувств, он прощался с любимым Парижем: Я хотел бы жить и умереть в Париже, Если б не было такой земли — Москва.

Маяковский был русский человек, родившийся и проводивший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-революционной борьбы против русского самодержавия. Он говорил о себе, что он «по рождению грузин». Вместе со своими товарищами грузинами, еще острее переживая за

них уколы национального самозлюбия, он ненавидел взбесившихся в 1905 году великодержавных российских повиннистов. Но когда уже в советских условиях он подметил проявления национализма в некоторых кругах грузинской и украинской интеллигенции он с искренним огорчением воскликнул, обращаясь к юношеству всей нашей многонациональной родины: Да будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и лени я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин.

Осенью 1927 года Маяковский впервые прочитал своим литературным друзьям поэму «Хорошо!», написанную им к десятилетью Великой Октябрьской социалистической революции. Идея, созревшая в боевой практике поэта-пробуны, идея любви к родине одухотворяла эту гениальную поэму. Самое название «Хорошо!» звучало взволнованным счастливым восклицанием человека, вздохнувшего полной грудью. Но, несмотря на то, что именно в этой идее заключался прямой и глубокий смысл нового произведения Маяковского, это не сразу было понято многими, в частности многими литераторами. Маяковский чувствовал и думал, опережая других, угадывая развитие чувств и дум народа. Понадобилось время, чтобы вместе с подъемом патриотической волны оказалась вознесена в народном сознании и великая патриотическая поэма Маяковского.

Первый в советской поэзии Маяковский заставил заново оценить слова «родина», «отечество». Он возвеличил жертвенную любовь к родине. В своей поэме, обращаясь к именовавшим себя патриотами российским буржуазным эмигрантам, он писал: Слушайте, национальный трутень, — День наш том и хорош, что труден. Эта песня песней будет наших бед, побед, будет. Такой песней «бед побед, будет» и стала поэма «Хорошо!». Своими вдохновенными образами не только достигший, но и трудностей нашего исторического пути она вызывает изумительное настроение веры в будущее. Вся она звучит поэтической присягой сердца на верность матери-родине.

...землю, которую завоевал и полуживую вымяничил, где с пулей встань, с винтовкой ложись, где каплей льнешься с массами, — с такою землюю победень на жизнь, на труд, на праздник и на смерть!

В. ПЕРЦОВ.